ФЕЛЬЕТОНЪ.

Ростовъ-Дон. Рѣчь. № 111.

Изъ ростовской старины.

Май 1894 г.

(Театральныя воспоминанія).

Не особенно старо то, о чемъ я пишу: всего 20 съ лишнимъ лѣтъ назадъ оно произошло. Многіе ростовцы помнятъ еще и то время, помнятъ и дѣйствующихъ лицъ; а многимъ, забывшимъ, пріятно будетъ воскресить въ своей памяти тѣни прошлаго. Начего цѣннаго, законченнаго и не обёщающаго, пророкоти тоже, а просто буду описывать съ того, что у меня записано, и въ дѣломъ рядѣ воспоминаній постараюсь быть какъ можно болѣе точнымъ.

Первыя воспоминанія и всецѣло посвящены театру.

Смутно припоминаю то время, когда антрепренеромъ нашего театра былъ *Надлеръ* *). Также смутно помню и служавшаго въ то время въ Ростовѣ извѣстнаго въ провинціи артиста-комика *Лрейсиа* **), артисту Де-Мориль ***) и пр. Мои отчетливыя воспоминанія начинаются со дня антрепризы *Г. С. Вальяно* (†) и *Д. И Зубовича* (†), въ старомъ, выше описанномъ театрѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь фруктовыя лавки, близко къ зданію реальнаго училища. Но раньше, чѣмъ коснуться дѣятельности этихъ лицъ, скажу два слова о самомъ зданіи театра.

Театръ этотъ былъ деревянный, бревенчатый, низкій и въ то уже время, когда начинаются мои воспоминанія, довольно ветхій. Состоялъ онъ изъ зрительнаго зала въ 22 ряда креселъ, 2-хъ ярусовъ ложъ и третьяго яруса галлереи. Отъ входа съ улицы (Садовой), дверь вела въ переднюю, направо и налѣво вели по второй ярусъ ложъ дѣй лѣстницы, рядомъ съ ними направо была небольшая будка «кассы», гдѣ едва вмѣщалась 2 человѣка, налѣво, подъ лѣстницей, вѣшалка. Изъ передней, очень тѣсной, прямо входили въ партеръ, такъ что черезъ наружную дверь уличный воздухъ свободно врывался въ зрительный залъ. Въ обѣ стороны отъ входа шли два корридора, очень узкіе, гдѣ едва могли размѣститься 4 человѣка. Въ двери изъ ложъ выходили корридоры, а изъ нихъ дверцы вели въ дамское фойе, уборную и буфетъ. Крайніи къ сценѣ ложи перваго и второго яруса назывались лятерными, также какъ и центральная ложа надъ входомъ. Освѣщался театръ керосиномъ, одной подъемной круглой люстрой, состоявшей изъ 36 простыхъ жестяныхъ лампъ, какія и по нынѣ употребляются въ мѣщанскихъ церквахъ, и подымавшейся посредствомъ толстаго каната сквозь отверстіе въ потолкѣ. Конецъ каната былъ на сценѣ (въ правой отъ зрителя кулисѣ), и очень часто, если вдругъ начинало коптѣть стекло, замповщикъ давалъ знакъ на сцену, послѣ чего среди акта люстру опускали, производя каждымъ душу раздирающій визгъ. На галлерею вела особая лѣстница съ улицы (съ лѣвой стороны зданія), съ двумя поворотами. Она состояла изъ 4-хъ рядовъ скамей, расположенныхъ амфитеатромъ. Духота тамъ была всегда невообразимая. Съ центра, благодаря висѣвшей напротивъ люстрѣ, на сцену ничего не было видно. Мѣста на галлереѣ была нумерованныя—кто раньше пришелъ и занялъ мѣсто у барьера, тотъ уже долженъ былъ оставаться тамъ до конца спектакля. Если-бы кто въ антрактѣ отлучился на минуту, то, вернувшись, находилъ свое мѣсто уже занятымъ другимъ лицомъ. Часто это вело къ крупнымъ недоразумѣніямъ, не обходившимся безъ вмѣшательства полиціи. По окончаніи спектакля, при самой аккуратной суточной (если можно такъ [illegible]) послѣ [illegible] галлереи уходилъ черезъ полчаса послѣ перваго. Тамъ помѣщалось 420 человѣкъ. Сцена была и мала, и не удобна. Подполье низкое. Сцены происходили два яруса уборныхъ, а проходы были до того тѣсны, что въ антрактахъ тамъ нельзя было проходить безъ опасности для жизни, рискуя быть ушибленнымъ какой-нибудь рамой или рѣшеткой. Ходъ на кулисы шелъ прямо изъ буфетной комнаты (сзади зданія театра былъ еще ходъ, но имъ почему-то не пользовались). Помѣщеніе для оркестра было настолько тѣсно, что 15 человѣкъ едва могли тамъ умѣститься, причемъ входили туда (изъ подполья) въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде турецкій барабанъ, за нимъ тромбонъ, кларнетъ, флейта и пр. Заходилъ приходомъ барабанщикъ, изъ-на него первая скрипка не могла-бы занять свое мѣсто.

Несмотря на тѣсноту и почти всегда полные сборы, несмотря на керосиновое освѣщеніе и чугунныя печи, театръ этотъ, чреватый событіями разнаго свойства, ни разу не испыталъ пожара.

Зданіе этого театра принадлежало г. Гайрабетову и Марку Балтазаровичу Драшковичу (о послѣднемъ и семьѣ его, интеллигентной въ полномъ смыслѣ слова, нынѣ уже неизвѣстной въ Ростовѣ, мнѣ придется въ будущемъ не мало говорить).

Теперь приступаю къ воспоминаніямъ о первомъ (по моимъ замѣткамъ) антрепренерѣ театра, артистѣ, декораторѣ, первоначальникѣ и пионерѣ оперетки въ Россіи—Григоріи Ставровичѣ Вальяно.

I.

Г. С. Вальяно.

Грекъ по происхожденію, кавалерійскій штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, страстный любитель театра и богатый человѣкъ, (его большое имѣніе было расположено вблизи станціи Морской, к.-ч. ав. ж. д., по дорогѣ изъ г. Таганрога, въ 3-хъ верстахъ отъ, такъ называемаго, стараго Хлибовскаго хутора), но,—да не по гнѣвъ будетъ сказано,—очень плохой актеръ, Г. С. Вальяно силъ ростовскій театръ и, пользуясь всякими отношеніями съ семьей, оставшейся для себя увѣдительнымъ это дѣло, всецѣло ему отдался. Владѣя въ совершенствѣ языками французскимъ и нѣмецкимъ, зная основательно музыку, владѣя чистою писаніи декорацій и бутафіи, по свойству своего сценическаго таланта, комикомъ-буффъ, онъ, одновременно съ драмой и комедіей, ставилъ оперетки, раньше чѣмъ гдѣ либо, появившіяся въ Ростовѣ и нанесшія себѣ потомъ гостепріимный пріютъ во многихъ городахъ Россійской имперіи. Домолва указать на тотъ фактъ, что, хотя недолго, но и петербургскій Александринскій театръ, задумавшись ростовскимъ духомъ, ставилъ оперетки, и извѣстная *Ладова* (†) и безвременно погибшій *Монахова* (†) очаровывали своей игрой публику прежнской столицы. Это было время расцвѣта оперетки: каторъ и регентъ парижской еврейской синагоги, *Оффенбахъ*, пробовалъ свои силы на ставшихъ потомъ знаменитыми мотивахъ; либреттисты, талантливые *Мельякъ* и *Галеви*, писали дѣйствительно остроумныя либретто, не подъ стать лучшимъ и новымъ сюжетамъ современныхъ оперетокъ и даже комическихъ оперъ, выводя олимпійскихъ боговъ на степень простыхъ смертныхъ. И Вальяно, увлекшись этой новой тогда вещью, переводилъ самъ съ рукописей, для чего ежегодно, великимъ постомъ, ѣздилъ въ Парижъ, самъ оригинальъ, рисовалъ костюмы, писалъ декораціи (къ этому у него былъ большой талантъ), дѣлалъ бутафорскія вещи; режиссировалъ и разучивалъ хоры. Въ каждой новой оперетѣ онъ принималъ непремѣнно участіе, какъ главное дѣйствующее лицо, въ видѣ буффа.

Приведу здѣсь на память списокъ оперетъ и фееріи, шедшихъ на ростовской сценѣ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ антрепризы Вальяно. Я увѣренъ, что сду треть, если не больше, я вспалъ, но и приведеннаго будетъ достаточно. Не всѣ приводимыя по названію оперетки пользовались одинаковымъ успѣхомъ, многія изъ нихъ шли по разу, по два, затѣмъ о нихъ забывали, а постановка ихъ стоила много сотенъ, если не тысячъ рублей.

1. Орфей въ Аду. 2. Прекрасная Елена. 3. Птичка пѣвчій (Перикола). 4. Разъ, Синяя борода. 5. Трапезонтская одалиска. 6 Островъ Тюлипатанъ. 7. Зеленый Островъ. 8. Всѣ мы жаждемъ любви. 9. Рыцарь Лютетъ и наступка Аміета. 10 Дочь рынка. 11 Глухой или полный трактиръ. 12 Легкая кавалерія. 13. Волшебная пѣсенка. 14. Утка о 3-хъ носкахъ, или хотѣли солгать, а сказали правду. 15. Лолота-Савойяровна, или Три Сестрицы. 16. Малабарская вдова. 17. Ожидаю при фонаряхъ. 18. Новая куколка. 19. Корнаринъ-Корнарини, дожъ Венеціанскій. 20. Жіорфе - Жіорфія. 21. Шалуны или проказы студентовъ. 22. Рая бойкіни. 23. Чайный цвѣтокъ. 24. Рыцарь безъ страха и упрека. 25. Десять невѣстъ и ни одного женика и м. др., съ болѣе или менѣе серьезной музыкой: 1. Мельникъ волдунъ, обманщикъ и плутъ 2. Аскольдова могила. 3 Галька. 4. Звѣзда восточная и др. Феерки: 1. Чертовы пилюли или большой выходъ сатаны. 2 Иванъ царевичъ. 3. Гибель фрегата Медузы. 4. Григорій Григорьевичъ Косовъ 5. Кораблекрушители или страшные рыбаки Керугальскіе. 6. Убійство Коневрей. 7. Путешествіе аракчинскаго купца въ преисподнюю и благополучное его возвращеніе (постановка была авторомъ — Владыкинымъ) и м. др. Къ каждой оперетѣ, въ каждой феерки требовались новыя декораціи, реквизитъ, масса участвующихъ (въ оперетки шли съ участіемъ хоровъ: Казанской церкви и еврейской синагоги, а для изображенія войска, народа приглашались солдаты); въ нѣкоторыхъ выводились на сцену лошади, осолы, нужно было сооружать башни, корабли, изображать пожары, полеты, поѣзда и пр. При ремѣрахъ тогдашней сцены, это было адскимъ трудомъ, который могъ преодолѣть лишь такой человѣкъ, какъ Вальяно, съ такой страстной привязанностью къ сценѣ, какую онъ имѣлъ. Правда, онъ былъ окруженъ дѣльными и энергичными помощниками, но, все таки, развитіе ростовскаго театра нужно всецѣло приписать только ему одному. Позволю себѣ здѣсь перемѣнованъ его главнымъ помощникомъ. Правой рукой Г. С., его режиссеромъ и соинтрепренеромъ, втеченіе 3-хъ лѣтъ, былъ талантливый актеръ Дмитрій Ивановичъ *Зубовичъ*. Затѣмъ слѣдовали: дирижеръ оркестра Иванъ Ивановичъ *Витмекъ*, его помощникъ (онъ-же и первая скрипка) *Людель, жена Вальяно*—Мальвина Константиновна *Славина*, помощникъ режиссера и сценаріусъ *Вецкій*, танцмейстеръ *Шлуръ*, машинистъ *Пременченко* и парикмахеръ *Прозоровъ*. Нужно отдать должное Вальяно: имѣвшись распространителемъ оперетки, онъ не забывалъ и драму. Ростовъ, благодаря ему, видѣлъ въ драмѣ лучшихъ артистовъ. Вотъ еще одна черта его характера, о которой я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю: Вальяно, будучи самъ плохимъ актеромъ, былъ большимъ цѣнителемъ чужихъ талантовъ, оказывалъ преимущество молодежи и много заровитыхъ артистовъ обязаны своей карьерой Ростову, вообще, а ему, Вальяно, въ частности. Онъ давалъ возможность каждому начинающему зрителю развернуться, составить репертуаръ, выйти на прямую дорогу. Я знаю многихъ лицъ, начавшихъ у Вальяно статистами, которые, пропрудивъ у него 2—3 сезона, уѣзжали изъ Ростова съ именемъ, и впослѣдствіи становились извѣстными въ Россіи артистами. Соввадъ, напр., Новочеркаскъ, въ этомъ отношеніи тезъ по столицѣ Ростова, и одни артисты, имена которыхъ я сейчасъ назову, или начали свою карьеру въ Ростовѣ и продолжали ее въ Новочеркаскѣ, или наоборотъ. Приводу, опять таки на память, списокъ нѣкоторыхъ артистовъ, начавшихъ свою карьеру, или развившихъ свой талантъ у Вальяно:

— *Андреевъ Бурлакъ* (†) былъ начинающимъ водевильнымъ актеромъ въ Новочеркаскѣ, затѣмъ служилъ въ Ростовѣ.—*О. О. Козловская и Холодова* лучшіе годы своей сценической дѣятельности провлушали также въ этихъ двухъ городахъ. *Нутрата* (†) лучшій изъ водевильныхъ мною [illegible] виковъ; *Пимоторова* (теперь психическая больной); *Черовъ* (пѣвецъ) *Черновъ* (пѣвецъ баритонъ петербургской Императорской оперы); [illegible] (пѣвецъ); *А. С. Корякина* (драматическая актриса) *Давыдова* (оперетковая свѣтила, любимица Москвы); Чарскій (герой); С. А. Пальмъ (антрепренеръ частнаго театра въ Петербургѣ); брать его *Арбенинъ*; *О. В. Колпаковъ* (пѣвица, жена Пальма, дочь извѣстной пѣвицы, преподавательницы пѣнія Леоновой); *Н. Д. Полонская, Н. И. Лаврова* (драматическая актриса, сестра покойнаго П. И. Новикова); *Н. Дмитріевъ Ростовъ* (†) изъ талантливой семьи Воровиныхъ, изъ которой вышли такіе артисты, какъ Воровина, Горева, (она была въ замужествѣ за старѣйшимъ представителемъ ростовской присяжной адвокатуры, Ѳ. К. Неизвѣцкимъ); *Стрыкина*, одна изъ видѣйшихъ дѣятельницъ народнаго театра въ Москвѣ въ 1872 году, куда, вмѣстѣ съ извѣстнымъ пирогикомъ М. Ф. Яковлевымъ, она уѣхала изъ Ростова. А благодаря народному театру на выставкѣ, путемъ усилій, борьбы, была создана частная антрепреза въ столицѣ, и народились та ще театры, какъ Корша въ Москвѣ и Пальма въ Петербургѣ. У меня хранятся вырѣзки изъ «Современныхъ Извѣстій» Гилярова-Платонова, относящіяся къ этому времени, гдѣ Стрыкову сравнивали съ свѣтилами европейскихъ сценъ. *М. Ѳ. Яковлевъ* (†) *Полтавцевъ-Кошелевскій, В. О. Степановъ* (послѣдніе мѣсяцы игравшій въ театрѣ Лавдова) и много другихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Б. Кимсевъ.

---

*) Антрепренерствующій и по днесь въ Пензѣ.

**) Дрейсигъ уже старикомъ игралъ въ Ростовѣ, а затѣмъ оставлялъ сцену, поселился въ Ставрополѣ, содержалъ тамъ гостиницу и умеръ въ бѣдности.

***) Чисто-русская драматическая актриса. Изъ Ростова перемѣщалась съ г. Надеждинымъ въ Сибирь, долго была любимицей сибиряковъ, а жива ли теперь—не знаю.